Ю.Н. Саямов

О ГААГСКИХ КОНФЕРЕНЦИЯХ 1899 и 1907 гг.*

***Аннотация.** В статье, тематически соотношенной со 110-летним юбилеем Второй Гаагской конференции 1907 г., автор анализирует результаты российской мирной инициативы, выдвинутой на рубеже XIX–XX вв. и имевшей далеко идущие последствия. Отмечая, что Гаагские конференции сделали мировую дипломатию глобальной, автор приходит к выводу о том, что именно тогда была создана система международно-правовых средств мирного разрешения споров между государствами.*

***Ключевые слова:** российская мирная инициатива, Гаага, разоружение, Дворец Мира.*

Саямов Юрий Николаевич – кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой ЮНЕСКО
факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: y.sayamov@yandex.ru

Yu.N. Sayamov. The Hague Conferences 1899, 1907

***Abstract.** The article is devoted to the 110th anniversary of the Second Hague Conference of 1907 and analyzes results of the Russian peace initiative with the far-reaching consequences forwarded at the turn of the 19th–20th centuries. During the Hague Conferences the world diplomacy become global and the system of international legal sources of peaceful disputes settlement between states was established.*

***Keywords:** Russian peace initiative, the Hague, disarmament, Peace Palace.*

Sayamov Yuri Nikolaevich – Ph.D. (History),
Head of the UNESCO Chair of the Department of Global Studies
of Lomonosov Moscow State University.
E-mail: y.sayamov@yandex.ru

* Статья подготовлена в рамках исследования «Международные отношения в контексте глобальных процессов и проблем безопасности и противодействия терроризму», проект РГНФ № 15-07-00001 (2015–2017).

В числе юбилейных дат 2017 г. отнюдь не самой значительной и заметной предстает 110-я годовщина Второй Гаагской конференции мира, отношение к которой было и остается неоднозначным. Советская историография рассматривала эту конференцию в ряду внешнеполитических инициатив павшего царского правительства, в отношении которого было непринято говорить что-либо положительное.

Однако конференция заняла свое место в истории дипломатии и международных отношений. Годовщина дает повод к тому, чтобы осмыслить заново ее результаты в современном контексте.

Для этого необходимо обратиться к обстоятельствам созыва и проведения Первой Гаагской мирной конференции в 1899 г. Известно, что созыв конференции был внешнеполитической инициативой России. 29 августа 1898 г. с этой инициативой выступил лично глава Российского государства император Николай II. Своим предложением он несколько удивил других правителей.

Причины неожиданной для многих государств и правителей мирной инициативы России и ее последующей реализации в виде созыва и проведения исторических Гаагских конференций следует искать в международной политической и военной обстановке. Они кроются в положении и действиях Российской империи и других ведущих держав в условиях нараставшей угрозы крупного конфликта в связи с новым переделом мира. На международную политическую арену вышли и стремились отхватить свой кусок уже поделенного мирового пирога молодые агрессивные державы: Германия, Италия, Япония. В период между Гаагскими конференциями показала свои зубы Япония, нанеся могучей Российской империи постыдное поражение в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Все активнее вмешивались в международные дела Соединенные Штаты Америки. Конstellацию государств во многом определял русско-французский альянс, который базировался на конвенции, заключенной между двумя странами в 1892 г. при императоре Александре III.

Со вступлением на российский престол Николая II Германия попыталась вернуть Россию к былым союзным отношениям, но новый правитель предпочел продолжить союз с Францией, который он рассматривал в долгосрочной перспективе как основу прочного мира в Европе. Союз с Россией был важен и для Франции, которая балансировала на грани войны с Англией за влияние на Ближнем Востоке. Международная обстановка все более усложнялась. Мир шел к большой войне.

В этих условиях Россия оказалась единственным государством, которое выступило против нараставшей военной угрозы. По мнению одного из организаторов и участников Гаагских конференций, известного российского юриста и дипломата Ф.Ф. Мартенса, мирная инициатива России преследовала

две цели. Первая из них предполагала путем миролюбивого обсуждения международных споров и условий ограничения вооружений предупредить войну. Вторая – была направлена на достижение договоренностей на случай возникновения войны с тем, чтобы ее ведение осуществлялось в установленных международных соглашениях рамках наибольшей гуманности и наименьших потерь для участвующих народов [см.: 8].

Нельзя сказать, что российская мирная инициатива была с восторгом встречена основными державами, опасавшимися, что эта инициатива нарушит их планы перевооружения армий современными видами оружия и, возможно, затронет спорные территориальные и иные вопросы. Англия воспринимала российскую инициативу как претензию Российской империи на главную роль в постановке и решении вопросов европейской и мировой политики. Скептически оценивала возможности практической реализации российских предложений Германия. Союзная Франция настороженно относилась к идеям разоружения и запретов новых видов оружия в связи с развернутым перевооружением Французской армии новой скорострельной пушкой. В то же время Австро-Венгрия, Италия и другие государства, испытывавшие финансовые затруднения в контексте развернувшейся гонки вооружений и пытавшиеся избежать ее нового витка, приветствовали российскую инициативу. Левая печать на Западе обвиняла Россию в том, что она, продолжая проводить агрессивную политику, выдвигает мирные предложения, чтобы усыпить бдительность соперников и завоевать общественное мнение. Такую точку зрения высказывал, в частности, известный социал-демократ Карл Каутский в своей статье «Демократическое и реакционное разоружение», опубликованной в газете «Нойе Цайт» [см.: 3]. Газеты консервативного и либерального толка, напротив, поддерживали российскую инициативу как миролюбивый почин, не выражая, впрочем, особых надежд на его реализацию.

В то же время ни одна держава – на фоне общей озабоченности нараставшей угрозой большой войны и пацифистских настроений мировой общественности – не решилась открыто выступить против российских предложений. Но в ходе дипломатической переписки, отчасти до сих пор не опубликованной, сложных переговоров и конференционного процесса заявленные изначально программные приоритеты претерпели существенные изменения. От вопросов сокращения вооружений и военных сил на суше и на море политики и дипломаты перешли к обсуждению проблем предотвращения войн и мирного разрешения международных конфликтов.

Инициатива русского царя, названная «государственным пацифизмом», тем не менее была поддержана основными государствами. За девять месяцев конференцию удалось подготовить, и 18 мая 1899 г., в 31-й день рождения российского императора, она торжественно открылась в Гааге. Нидерланды и город Гаага были выбраны для проведения конференции с учетом активной

поддержки, которую оказывала инициативе Николая II правительница страны 19-летняя королева Вильгельмина. Накануне открытия конференции, 24 апреля 1899 г., российский монарх пожаловал ее Большим крестом ордена Св. Екатерины – высшей женской наградой Российской империи.

В вопросе выбора места для проведения конференции немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что Нидерланды в преддверии нового 100-летия позиционировали себя как государство, занимающее скорее нейтральную позицию во внешнеполитических хитросплетениях того времени.

Первая международная мирная конференция в Гааге, которую называли также Гаагской конференцией разоружения, завершила свою работу 29 июля 1899 г. Два с половиной месяца заседаний в королевском Лесном дворце, дебаты, сфокусировавшие внимание мировой политики на проблематике разоружения, сделали конференцию в последний год уходящего века одним из его самых значимых событий. Фактически был совершен беспрецедентный шаг к созданию практики урегулирования мирным путем споров и конфликтов между государствами, открыт международный диалог в области разоружения, продолженный на Второй Гаагской конференции 15 июня – 18 октября 1907 г.

В итоге работы Второй Гаагской конференции были пересмотрены три конвенции предыдущего форума и приняты десять новых конвенций относительно законов и обычаев войны, а также декларация и семь резолюций. В числе принятых конвенций восемь относились к международному морскому праву, которое до конференции почти не было регламентировано.

* * *

С проведением Гаагских конференций, которые называли «первым парламентом мира», дипломатия становится глобальной. Если в первой конференции участвовали 27 государств, в том числе шесть неевропейских, которыми стали США, Мексика, Персия, Китай, Сиам (Таиланд) и Япония, то на второй конференции к ним прибавились еще 17 государств Латинской Америки, повысив общее число участников до 44.

Нельзя сказать, что Гаагские конференции в результате озаменовались реальным продвижением в деле сокращения вооружений и военных бюджетов или хотя бы их фиксации на достигнутом на момент конференций уровне. Разоружение осталось лишь добрым пожеланием, которое никто из участников не поспешил выполнить. Однако принятые в Гааге международные конвенции стали первой в истории общей кодификацией законов и обычаев войны на основе международного права и заложили фундамент для мирного разрешения конфликтов между государствами. Решениями Гаагских конфе-

ренций было фактически признано основополагающее значение российской мирной инициативы и отмечена ее плодотворность.

До Гаагских конференций международное право преимущественно являлось правом войны. Государство, выступая стороной в конфликте, могло отказаться от его мирного урегулирования и в соответствии с так называемым «правом на войну» (*jus ad bellum*) решить спор вооруженной силой. Значение Гаагских конвенций состоит в том, что они впервые создали систему международно-правовых средств мирного разрешения споров между государствами. Эта система в основном действует и поныне, не претерпев в принципе существенных изменений. Чтобы создать ее, в Гааге потребовалось обобщить и кодифицировать имевшиеся инструменты мирного урегулирования и практику их применения. Гаагские конвенции стали первой попыткой на мировом уровне ограничить право на войну и закрепить в международном праве принцип мирного разрешения международных споров.

Принятые документы, которые известны в современном международном праве и истории международных отношений как Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., охватывали широкий круг вопросов. Среди этих вопросов – мирное разрешение международных споров, ограничение в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам, порядок открытия военных действий, законы и обычаи сухопутной и морской войны, правила нейтралитета в сухопутной и морской войне, запрещение использовать яды, оружие, снаряды и вещества, способные причинить излишние страдания. В настоящее время Гаагские конвенции являются действующими международно-правовыми актами, признанными большинством государств мира. Исключение составляет лишь не получившая поддержки конвенция об учреждении так называемого международного призового суда.

Россия председательствовала на Гаагских конференциях. На первой конференции ее представлял посол России в Лондоне барон Е.Е. фон Штааль, на второй – посол России в Париже А.И. Нелидов. В секретной инструкции главе российской делегации Нелидову министр иностранных дел А.П. Извольский писал: «Созыв Второй Конференции Мира по высочайшей воле государя императора был вдохновлен тем убеждением, что русское правительство, которому принадлежал общий почин в деле пропаганды идей международного мира, не должно выпускать из своих рук дальнейшего его направления». Интересы родины «требуют, чтобы созданная по почину императорского правительства Конференция кончилась успешно и чтобы решения, к которым она приведет, соответствовали пользам России, не налагая на нее никаких обязательств, могущих стеснить ее будущее развитие, и давая вместе с тем возможность пользоваться благами международного правопорядка...» В инструкции были даны общие директивы по четырем группам вопросов, предложенных на рассмотрение конференции. В заключение инструкции

министр особо отметил, что «после войны 1904–1905 гг. России в первый раз приходится выступать здесь в вопросах мирового интереса в руководящей и ответственной роли» [5].

Как и предусматривала разработанная и предложенная Россией программа конференции, вопросы, подлежавшие обсуждению, были сформированы в четыре тематические группы и рассматривались соответственно в четырех комиссиях. Доклады комиссий и подготовленные в них проекты решений выносились на пленарные заседания конференции, которые проходили в историческом Рыцарском зале, в котором обычно торжественно открывались сессии голландского парламента. Четвертую, «морскую», комиссию возглавлял Ф.Ф. Мартенс, имевший опыт организации и проведения первой Гаагской конференции, на которой он разрабатывал принципы мирного разрешения международных споров.

Во многом на основе, наработанной на первой конференции, была сформирована и принята основополагающая *Конвенция о мирном разрешении международных столкновений*. Она открыла исключительно важный процесс нормативного наполнения принципа мирного разрешения международных споров, который сегодня является одним из базовых принципов современных международных отношений и международного права. Конвенция ограничивала государства в использовании права на войну, но, оставаясь в пределах реальности, не могла полностью исключить ее из инструментария решения международных споров.

Конвенция об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам имела своей целью не допустить нападения на страны под предлогом истребования их внешней задолженности, как это произошло с Мексикой, к которой в 1861 г. страны-кредиторы применили военную силу, а Наполеон III попытался осуществить ее колониальный захват.

По инициативе и настоянию России, подвергшейся недавнему внезапному нападению Японии без предупреждения и объявления войны, была принята *Конвенция о порядке открытия военных действий*. Согласно этой конвенции, войны не должны были начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения. Предупреждение о начале военных действий могло содержать объяснение причин или носить характер ультиматума.

Большое практическое значение в ходе предстоящих войн обрела *Конвенция о законах и обычаях войны*. Она утвердила важнейшие принципы ведения военных действий: разграничение комбатантов и некомбатантов (т.е. лиц, участвующих и не участвующих в боевых действиях). Кроме того, Конвенция зафиксировала право населения на вооруженное сопротивление, права военнопленных с подробной регламентацией. В ней содержались запреты на использование оружия и веществ, причиняющих излишние стра-

дания, на уничтожение и захват собственности неприятеля, если это не вызывается военной необходимостью, на убийство сдавшихся в плен. Согласно Конвенции, запрещалось объявлять, что никому не будет пощады, грабить и конфисковывать частное имущество. Конвенция требовала принимать все возможные меры к защите и сохранению памятников культуры и медицинских учреждений.

В ходе последовавших двух мировых войн эта Конвенция во многих случаях помогла предотвратить излишнюю жестокость, хотя всеобъемлющей она не являлась и применялась не всегда и не полностью. В развитие ее положений после Второй мировой войны были приняты: Конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.; Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. и Четвертая Женевская конвенция 1949 г. в отношении международно-правовой защиты гражданского населения и культурных ценностей.

Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в сухопутной войне запрещала проводить войска воюющих государств через территории нейтральных стран, создавать на этих территориях сооружения, предназначенные для вооруженных действий, и пользоваться ими. Нейтральные государства обязывались соблюдать равное отношение ко всем участникам конфликта. При этом отражение нейтральной державой, даже с помощью вооруженных сил, покушений на собственный нейтралитет не квалифицировалось как враждебное действие.

Гарантии безопасности в отношении торговых судов, застигнутых войной в портах противника, создавала *Конвенция о положении неприятельских торговых судов при открытии военных действий*. Торговые суда, задержанные в портах или в море, не подлежали конфискации и после войны должны были быть возвращены владельцу.

Конвенция об обращении торговых судов в военные устанавливала требования, при выполнении которых гражданское судно могло быть обращено в военное и наделено правами и обязанностями последнего. С помощью этой Конвенции до сих пор выявляются пиратские и другие незаконные военные суда, к которым применяется иной правовой режим.

Характеристики и порядок применения различного рода морских взрывных устройств содержала *Конвенция о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин*, которую настойчиво проводили представители Великобритании, добиваясь ее принятия сроком на семь лет, но Россия и Германия от нее отказались.

Конвенция о бомбардировке морскими силами во время войны запрещала бомбардировать морскими силами незащищенные порты, города, селения, жилища и отдельные строения, однако этот запрет не распространялся на военные укрепления, учреждения, склады оружия и пр., которые могли

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

использоваться неприятелем для нужд армии и флота, и военные суда, находившиеся в порту.

Конвенция о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 года способствовала улучшению положения раненых в ходе военноморских операций.

Конвенция о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне устанавливала неприкосновенность почтовой корреспонденции на море и предусматривала освобождение от захвата рыбачьих судов, а также освобождение от плена экипажей неприятельских торговых судов.

Конвенция об учреждении Международного призового суда была единственной, которая полностью осталась на бумаге. Государствам – участникам конференции так и не удалось достичь единства в этом вопросе, и суд так никогда и не был создан.

Из всех международных морских актов, составленных в Гааге, наиболее существенное значение для русского флота имела *Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в морской войне*, которая определяла положение военных судов воюющих держав в портах нейтральных держав. В этом отношении Россия имела недавний печальный опыт Русско-японской войны, когда русский флот оказался предоставленным самому себе на морских просторах. Разработка конвенции давалась с трудом, на ее составление и согласование потребовалось более трех месяцев напряженных прений. В результате удалось достичь общего согласия на базе действовавшего тогда английского правила о 24-часовой стоянке военных судов в нейтральных портах, и оговорен ряд отступлений от этого срока в сторону его увеличения, в частности для погрузки угля и пополнения запасов воды и продовольствия.

Конференция не успела разработать специальный регламент для морской войны и высказала рекомендацию о применении к морской войне принципов, применяемых к сухопутной войне, пока регламент не будет завершен на Третьей Гаагской конференции, намеченной на 1915 г. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война перечеркнула планы проведения следующей Гаагской мирной конференции.

* * *

Предпринятая Россией и ее дипломатией попытка продвинуть на мировой арене принципы мирного разрешения международных противоречий и притормозить набиравшую бешеные обороты гонку вооружений не была напрасной. В своем сообщении в МИД России по итогам конференции глава российской делегации посол А.И. Нелидов отмечал, что интересы Российского государства «получили на Второй Гаагской конференции полное удовлетворение» [5]. Результаты этой конференции, определившей на мировом уровне

40

более гуманные правила ведения военных действий на суше и на море, приобрели особое значение в преддверии надвигавшейся глобальной военной катастрофы. Конференция внесла весомый вклад в развитие международного права, в целом, и международного гуманитарного права, в частности.

Вторая конференция мира, как ее называли, на самом деле не была в состоянии сохранить мир и предотвратить нарастающую угрозу конфронтации, которая семь лет спустя погрузила человечество в пучину мировой бойни. Но ее миротворческий пафос отразился во многих решениях, оказавших и продолжающих оказывать влияние на международные отношения в мире.

К таким решениям относится создание Постоянной палаты третейского суда, учрежденной в 1899 г. и до сих пор действующей в Гааге в качестве международного арбитража для разрешения различных международных споров.

Опыт Гаагских конференций был использован для достижения мирного урегулирования по итогам Первой мировой войны, создания Версальско-Вашингтонской системы международных отношений и первой универсальной организации – Лиги Наций. Показательно, что, выступая на Вашингтонской конференции 9 ноября 1921 г., президент США Уоррен Гардинг напомнил: «Предложение ограничить вооружения путем соглашения между державами не ново. При этом случае, быть может, уместно вспомнить благородные стремления, выраженные 23 года назад в Императорском рескрипте Его Величества Императора Всероссийского. С таким сознанием своего долга Его Величество Император Всероссийский предложил созыв конференции, которая должна была заняться этой важной проблемой» [6, с. 107–108].

Под эгидой Лиги Наций в 1920 г. была учреждена и действовала в Гааге до начала Второй мировой войны Постоянная палата международного правосудия, на смену которой в 1946 г. пришел Международный суд ООН.

В Устав ООН в качестве одной из главных целей созданной после Второй мировой войны универсальной организации вошло разработанное Гаагскими конференциями положение о необходимости мирного, основанного на принципах справедливости разрешения международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира.

В период между двумя мировыми войнами миротворческий «дух Гааги» ощущался в процессе достижения договоренностей в Локарно в 1925 г. и в последующем создании пакта Бриана–Келлога в 1928 г. Основным документом по результатам многосторонних переговоров в Локарно стал Рейнский пакт, который явился арбитражным соглашением Германии, Франции и Бельгии, предусматривавшим мирное разрешение споров между ними посредством Лиги Наций или международных судов. Пакт гарантировал послевоенные границы в Западной Европе и открыл дорогу в Лигу Наций Германии.

В 1922 г. Германия прорвала свою международную изоляцию договором с Советской Россией в Рапалло; теперь она выходила на мировой уровень, восстанавливая позиции, утраченные после поражения в Первой мировой войне. «Отцы» пакта – председатель правительства и министр иностранных дел Франции Аристид Бриан и министр иностранных дел германской Веймарской республики Густав Штресеман получили Нобелевскую премию мира 1926 г.

Подтверждая положения договора 1922 г. в Рапалло, в том же 1926 г. был заключен Берлинский договор о ненападении и нейтралитете между Советским Союзом и Веймарской республикой. Соглашения улучшили дипломатический климат в Европе. Однако это улучшение длилось недолго. Главный переводчик Штресемана, а затем Гитлера Пауль Шмидт, начавший свою карьеру в Постоянной палате международного правосудия в Гааге и принимавший участие в переговорах в Локарно, свидетельствует в своей книге «Статист в дипломатической сцене 1923–1945», что с приходом в 1933 г. к власти в Германии национал-социалистов был немедленно взят курс на отказ от Локарнских соглашений [см.: 9]. Окончательно с ними было покончено в 1936 г., когда Германия ввела свои войска в Рейнскую демилитаризированную зону, положив начало военным авантюрам Гитлера.

«Дух Гааги» определял инициативу заключения договора об отказе от войны как орудия национальной политики, с которой французский премьер и министр иностранных дел Аристид Бриан обратился к США. В ответ государственный секретарь США Фрэнк Келлог, поддерживая эту идею, предложил договариваться не о двустороннем, а о многостороннем соглашении, посредством которого присоединившиеся к нему государства взяли бы на себя обязательство исключить войну из арсенала средств их национальной политики. Заключение договора, получившего название пакта Бриана–Келлога, стало первым шагом на пути к созданию системы коллективной безопасности в Европе. Ф. Келлог за продвижение мирной инициативы на многосторонний уровень получил Нобелевскую премию мира за 1929 г. На Нюрнбергском процессе после Второй мировой войны нацистским главарям наряду с прочими предъявленными обвинениями было поставлено в вину нарушение пакта, подписанного Германией вместе с другими государствами 27 августа 1928 г. в Париже.

Советский Союз ратифицировал соглашение 29 августа 1928 г. через два дня после его подписания и выступил инициатором Московского протокола 1929 г. о досрочном введении в силу обязательств по пакту [2]. В решении Коллегии Народного комиссариата иностранных дел СССР от 23 августа 1928 г. по вопросу предстоявшего через несколько дней подписания пакта говорилось: «Заинтересованные в продолжении передышки, мы не должны пренебречь и самой ничтожной гарантией против войны» [1].

Своего рода «продолжением Гааги» наряду с пактом Бриана–Келлога, объявившего вне закона войну как средство национальной политики, можно считать важнейшие послевоенные многосторонние документы, призванные защитить мир и пресечь попытки разжигания новой войны. Это, прежде всего, определения Нюрнбергского трибунала преступлений против мира и Устав ООН, который обязывает государства искать разрешения споров между ними мирным путем.

* * *

Российская инициатива мира без войн и бессмысленной гонки вооружений, выдвинутая на рубеже XIX и XX вв., намного предвосхитила свое время и продолжает сохранять актуальность и сегодня, в XXI в., когда на Земном шаре вновь множатся конфликты и льется кровь. Взгляд на нее из нашего времени побуждает к размышлениям о том, пришлось ли бы человечеству познать ужасы мировых войн, если бы Запад тогда прислушался к призыву России.

О том, что российская инициатива не была пропагандистским маневром и вносилась серьезно и со всей ответственностью, свидетельствует немедленное одностороннее введение по итогам Гаагской конференции в 1907 г. Наказа Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны, который стал частью Устава российской полевой службы. Наказ обязывал:

«1. Войска должны уважать жизнь и честь обывателей неприятельской стороны, а также религию и обряды веры. Всякий грабеж строго воспрещается под страхом тяжчайших наказаний (вплоть до смертной казни). Раненые и больные военные чины подбираются с поля боя без различия принадлежности к какой-либо армии. С пленными надлежит обращаться человеколюбиво и предоставить им полную свободу в отправлении религиозных обрядов. Содержать их так же, как содержатся чины Русской армии. 2. Во время военных действий воспрещается применять яд или отравленное оружие, ранить или убивать неприятеля, который сложил оружие и сдался, атаковать или бомбардировать города, селения, жилища или строения, не занятые противником, захватывать и уничтожать неприятельскую собственность (если это не является военной необходимостью)» [4, с. 77].

В дальнейшем Советский Союз признал ратифицированные Россией Гаагские конвенции и декларации. Российская Федерация, став правопреемницей Советского Союза, приняла на себя обязательство соблюдать Гаагские конвенции в той мере, в какой они не противоречили Уставу ООН и более поздним международным соглашениям, участником которых являлась Россия.

«Дух Гааги» воплотился, однако, не только в документы. Следствием российской инициативы стало превращение Гааги в международный центр мира и правосудия. Здесь под патронажем императора России Николая II и королевы Нидерландов Вильгельмины на средства, пожертвованные американским железнодорожным магнатом и меценатом Эндрю Карнеги, началось в 1907 г. возведение величественного Дворца Мира, которое было завершено в 1913 г.

Автору этих строк довелось в юбилейном 2007 г. – Году столетия Второй Гаагской конференции – принять участие в качестве представителя Москвы в Международной конференции по дипломатии городов, которая проходила в помещениях Дворца Мира в Гааге. Это были достроенные позже современные помещения. Однако участники имели возможность посетить и исторические залы.

В одном из них внимание привлекала огромная – в человеческий рост и весом более 3 т – необычайно красивая серо-зеленая ваза из яшмы с позолоченным рельефом. Ваза установлена на пьедестале из того же камня с дарственной надписью. Согласно надписи, ваза была подарена Россией в 1908 г. Ваза была первой в уникальной коллекции памятных предметов и изделий, презентованных Дворцу государствами мира. Мне, конечно же, было особенно приятно увидеть среди экспонатов прижизненное издание романа «Война и мир» Л.Н. Толстого, имеющего самое непосредственное отношение к тематике этого уникального международного учреждения.

Однако сегодня приходится констатировать, что знаменитый «дух Гааги» во многом нивелирован. Анализ причин этой нивелировки – тема отдельного исследования.

Но следует отметить, что 110-я годовщина Второй Гаагской мирной конференции отмечается в сложное и опасное время, когда интересы мира вновь требуют защиты перед лицом надвигающейся угрозы глобальной конфронтации. Ситуация во многом повторяется, напоминая существовавшую на рубеже прошлых столетий, когда мир стоял на пороге Первой мировой войны. В истории российской мирной инициативы конца XIX в. и последовавших за ней Гаагских конференций содержится важный урок, забвение которого в эру ядерных вооружений может привести к гибели человечества и жизни на Земле. Этот урок заключается в императиве договариваться даже по самым сложным вопросам. Ибо в третьей мировой войне не победит никто, никогда и ни при каких условиях. Химерой является надежда, что можно обмануть, переиграть противника и в результате выжить самому, уничтожив его. Поэтому в отличие от эпохи Гаагских конференций, когда еще можно было выбрать мир или войну, сейчас выбора между войной и миром не существует. Существует альтернатива: жить вместе или умереть вместе. Очевидным образом предпочтительнее первое.

Библиография

1. Гусева А.Ю. К 75-летию подписания пакта Бриана–Келлога // Дипломатический вестник. 2003. № 8.
2. Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Париж, 27 августа 1928 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Литиздат, 1930. Вып. V. С. 5–8.
3. Кретилин С.В. Карл Каутский, 1854–1914 гг. Воронеж: Научная книга, 2007. 557 с.
4. Марков О.Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб.: Санкт-Петербург, 2001. 160 с.
5. О Второй Гаагской конференции мира // Дипломатия России: От Посольского приказа до наших дней. Историко-документальный департамент МИД России. Информационно-справочные материалы. URL: http://idd.mid.ru/-o-vtoroj-gaagskoj-konferencii-mira?redirect=http%3A%2F%2Fidd.mid.ru%2Fsearch%3Fp_p_id%3D3%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dmaximized%26p_p_mode%3Dview%26_3_groupId%3D23403248%26_3_keywords%3D%2522%25D0%259E%2B%25D0%25B2%25D1%2582%25D0%25BE%25D1%2580%25D0%25BE%25D0%25B9%25D0%2593%25D1%2581%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25B9%2B%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25BD%25D1%2584%25D0%25B5%25D1%2580%25D0%25B5%25D0%25BD%25D1%2586%25D0%25B8%25D0%25B8%25D2%26_3_struts_action%3D%252Fsearch%252Fsearch&inheritRedirect=true (Дата обращения: 01.03.2017.)
6. Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991. 644 с.
7. Протокол о введении в действие Парижского договора от 27 августа 1928 года об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Москва, 9 февраля 1929 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Литиздат, 1930. Вып. V. С. 8–10.
8. Пустогаров В.В. Фёдор Фёдорович Мартенс – юрист, дипломат. М.: Международные отношения, 1999. 290 с.
9. Schmidt P. Statist auf diplomatischer Bühne 1923–45: Erlebnisse des Chefdolmetschers im Auswärtigen Amt mit den Staatsmännern Europas. Von Stresemann und Briand bis Hitler, Chamberlain und Molotow. München: EVA, 2005.

References

- Dogovor ob отказе от vojny v kachestve orudija nacional'noj politiki (Parizh, 27 avgusta 1928 goda) // Sbormik dejstvujushhih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaključijonnyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Moscow: Litizdat, 1930. Vyp. V. P. 5–8.
- Guseva A.Ju. K 75-letiju podpisaniya pakta Briana–Kelloga // Diplomaticeskij vestnik. 2003. N 8.
- Kretinin S.V. Karl Kautskij, 1854–1914 gg. Voronezh: Nauchnaja kniga, 2007. 557 p.
- Markov O.D. Russkaja armija 1914–1917 gg. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburg, 2001. 160 p.
- O Vtoroj Gaagskoj konferencii mira // Diplomacija Rossii: Ot Posol'skogo prikaza do nashih dnei. Istorko-dokumental'nyj departament MID Rossii. Informacionno-spravocnyje materialy. URL: http://idd.mid.ru/-o-vtoroj-gaagskoj-konferencii-mira?redirect=http%3A%2F%2Fidd.mid.ru%2Fsearch%3Fp_p_id%3D3%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dmaximized%26p_p_mode%3Dview%26_3_groupId%3D23403248%26_3_keywords%3D%2522%25D0%259E%2B%25D0%25B2%25D1%2582%25D0%25BE%25D1%2580%25D0%25BE%25D0%25B9%2B%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25BD%25D1%2584%25D0%25B5%25D1%2580%25D0%25B5%25D0%25BD%25D1%2586%25D0%25B8%25D0%25B8%25D2%26_3_struts_action%3D%252Fsearch%252Fsearch&inheritRedirect=true

D0%25B5%25D0%25BD%25D1%2586%25D0%25B8%25D0%25B8%2522%26_3_struts_action%3D%252Fsearch%252Fsearch&inheritRedirect=true (Data obrashhenija: 01.03.2017.)

Ol'denburg S.S. Carstvovanie Imperatora Nikolaja II. Saint-Petersburg: Petropol', 1991. 644 p.

Protokol o vvedenii v dejstvie parizhskogo dogovora ot 27 avgusta 1928 goda ob otkaze ot vojny v kachestve orudija nacional'noj politiki (Moskva, 9 fevralja 1929 goda) // Sbornik dejstvujushhih dogovorov, soglashenij i konvencij, zakljuchjonnyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Moscow: Litizdat, 1930. Vyp. V. P. 8–10.

Pustogarov V.V. Fjodor Fjodorovich Martens – jurist, diplomat. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1999. 290 p.

Schmidt P. Statist auf diplomatischer Bühne 1923–45: Erlebnisse des Chefdolmetschers im Auswärtigen Amt mit den Staatsmännern Europas. Von Stresemann und Briand bis Hitler, Chamberlain und Molotow. München: EVA, 2005.